

ские митрополиты при живом еще Алексее,⁵⁹ но и как литератор, поэт. Более тридцати его произведений (по крайней мере часть из них в переводах Евфимия Тырновского, митрополита Киприана и Феодора, племянника Сергия Радонежского) широко распространилось в русской письменности, и сейчас они покоятся в списках XIV—XIX вв. на полках рукописных собраний, ожидая своего исследователя.

Имя его и спустя много времени после его смерти с уважением и благодарностью вспоминалось на Руси, о чем свидетельствует хотя бы Повесть о новгородском белом клобуке,⁶⁰ где после ряда видений патриарх Филофей «советом благочестивого царя Ивана»⁶¹ (Кантакузина) решает отказаться от высокочтимой святыни — головного убора папы Селивестра, современника Константина Великого, — в пользу Руси, Новгорода. Отдаленной основой этого рассказа послужило, по-видимому, реальное событие: подтверждение Филофеем права новгородскому архиепископу Моисею (и только ему) носить нашитыми на одежде четыре креста.⁶² Но главное в этом рассказе не фактография, а более близкая к реальности символика: белый клобок — символ достоинства христианского Рима — из старого Рима переходит в новый, а оттуда именно Филофеем, постигающим обреченность Византии, пересылается на север, в страну будущего, которая «наречется светлая Россия».⁶³ Филофею же, как более известному автору, в русской письменности иногда приписывались произведения других, менее популярных лиц.⁶⁴

Для монастырской жизни второй половины XIV в. становятся характерными на Балканах фигуры, вроде старца Исаяи — серба, игумена русского Пантелеймоновского монастыря на Афоне, насадителя в Македонии и Угровлахии монашеских общежитий, киновий, действовавшего в этом рука об руку с греками, переводчика с греческого трудов псевдо-Дионисия Ареопагита (1371 г.), оставившего крайне интересное предисловие к этому переводу, великолепно — судя по тому, что он знал и ценил Либания (IV в.), — образованного и близкого и к сербскому двору, и к патриарху Филофею человека; с ним считались и светские владыки.⁶⁵ Люди такого типа чрезвычайно способствовали развитию духовных и культурных связей между греками, болгарами, сербами и русскими, а монастыри, ими основываемые, становились центрами таких связей. Так, например, «духовное общение между болгарами и сербами в XIV в. особенно развивалось и поддерживалось школою исихастов, появившихся в Болгарии или, вернее, на ее границах с конца первой половины

⁵⁹ Расчет здесь в общем был простой: при жизни митрополита Алексея Киприан должен был управлять православной церковью Литвы, недоступною для Алексея, чтобы по смерти того присоединить ее к церкви Великой Руси, покончив отчасти (ибо оставалась еще Галицкая митрополия) с опасным церковным расколом русского народа, за которым с неизбежностью — при существовавшем государственным — должен был следовать раскол культурный и этнический.

⁶⁰ О ней см.: Н. Н. Розов. Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV века. — ТОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 178—219.

⁶¹ Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Г. Кушелевым-Безбородко под ред. Н. Костомарова. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи, вып. I. СПб., 1860, стр. 296.

⁶² РИБ, т. VI, Приложения, № 10, стлб. 55—56.

⁶³ Памятники старинной русской литературы, стр. 296.

⁶⁴ Например, Грамота в Псков о стригильниках патриарха Нила, см.: ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 3, № 4059, конец XVIII в., л. 17 об.; Послание «о проторех на поставлениях» того же патриарха Нила, см.: ГИМ, Син. № 280, начало XVI в., л. 427.

⁶⁵ См.: В. Мошин. Житие старца Исаяи, игумена Русского монастыря на Афоне. — Сборник Русского археологического общества в королевстве Югославии. Белград, 1940, стр. 125—167